



Кофейня  
на берегу океана





Посвящается Женщине,  
подарившей мне жизнь.  
Наталье!



\* \* \*

— Как тебя зовут?

— Мое имя Париж.

Роза смотрела на незнакомого человека. Еще несколько дней назад она бы его отвергла, оторвала от груди, не пустила бы в сердце. Не закрыла бы за ним дверь, потому как у вошедшего не было ни ее ключей, ни имени, ни притягательного дьявольского пламени в глазах, в котором она бы, не задумываясь, сгорела; выбросившись вон из себя прежней, сменив грубую кожу на нежную, подобную коже альбиноса, чувственную и чувствующую каждое касание, словно струна скрипки, словно руки мастера — это жизнь, это доля секунды, это музыка. Словно ее



жизнь — это краткое мгновение между началом и концом мелодии.

Розу можно было покорить только талантом, только истинным мастерством. Любовник для нее связан не со словом «любовь», а со словом «секунда», со словом «мгновение», со словами «нестерпимая боль», когда секунда проходит. Многие ищут вечность в прекрасных, очаровавших глазах, будто вечность — это понятие рая. Розе казалось, что она единственная на этой земле, осознавшая такую вещь — что над раем можно только пролететь, застыв на мгновение, паря в воздухе, можно только вдохнуть его, насладиться, но не жадно глотать, но не слепо падать на «землю спасения». Святая земля пустынна, не истоптанна, а иначе ее пачкают ногами. Роза знала, что если у ворот Эдемского сада тебя встречает Господь Бог, то это не значит, что за воротами не может быть ада.

— Каково твое настоящее имя?

Она заглядывала с опасением за ворота.

— А каково твое настоящее имя, Роза?

Не истоптанный сад смотрел в ответ на нее.

— Мое настоящее имя — Роза.

## Глава первая

Мы привыкаем к любому месту. К самому прекрасному, в котором нам бы хотелось остаться навсегда и которое нам бы хотелось оставить в себе надолго, словно ты его неотъемлемая часть, будто оно — часть твоей кожи; к самому худшему — а иначе мы бы все умерли от тоски, мы погибли бы от отчаянной борьбы себя и себя прежнего. Место помнит нас больше, чем мы себя. Как тогда быть, когда любое место на этой земле со временем становится нами? Как быть, когда корни прорастают даже там, где им не стоило бы прорастать, ведь росток иссохнет в пустыне. Как быть, когда ты находишь свой уголок, свой приют для души, но в нем не оказывается для тебя места?





Жана можно было охарактеризовать всего двумя словами — интеллигентный француз, а если тремя, то еще скромный. А по-другому я бы не смог объяснить, почему за все время своего пребывания в «городе восходящего солнца» он еще ни разу не восходил к пьедесталу, на котором восседала самая обыкновенная женщина. Таких, как она, в основном, любят возвышать исключительно нетронутые, не потоптанные каблуками и бытом, сохранившиеся в своем первоначальном виде, мужчины. Нет, она, конечно, была хороша, но вряд ли самодостаточный мужчина побоялся бы к ней подойти. Самодостаточность — это в некоей степени опыт. Чем больше в нас опыта, тем меньше мы скованы и стыдливы.

Женщина в белом льняном платье в пол сидела в кофейне и пила бодрящий эспрессо. Кто знает, откуда она приехала, какой статус имеет в обществе и какое у нее семейное положение. По ее таинственному и безмятежному виду можно было сказать, что она приехала в этот город на отдых и смакует каждую минуту, запивая свой кофе короткой неторопливой жизнью без суеты. Какого цвета у нее глаза? Наверное, льняные с оттенком изумруда, а иначе в



этом платье она не чувствовала бы себя так уверенно и достойно. Конечно, еще и фигура, но, все же больше глаза. Именно от них не мог отвести свой взгляд Жан. Опрятный обеспеченный молодой человек, отдыхающий в этой кофейне, в этом городе, подобном Французской Ривьере, но имеющем явное отличие в том, что вместо роскоши и лоска здесь подают обычный кофе с запахом некоего таинства, как бывает в католических церквях; здешний кофе пахнет истинным чувством предвкушения. Это место — прекрасная, уютная кофейня на берегу океана, куда многие так стремятся попасть, но, однажды приехав, не понимают, что с ним дальше делать. Здесь проводят монологи с собой, это такое место опьяняющей тишины, где со вкусом крови христовой подают обычную воду. Здесь пьянит не напиток, а место. Жан, как и понравившаяся ему женщина с длинной косой, понимал, что не хочет домой. Что это и есть дом, раз ему здесь хорошо.

— Может быть, вы наконец подойдете?

Таинственная особа, сравнивая для Жана с божеством, адресовала ему эти слова через несколько пустых столиков.



— Excusez-moi\*... — от волнения он даже запнулся. — Это вы мне?

Женщина улыбнулась, но ничего не ответила.

Он неуверенно встал и направился к ее столу, за это время он дважды чуть не провалился под землю и один раз даже думал выбежать прочь из кофейни.

— Простить мой язык... Можно я присяду?

— Присаживайтесь, — улыбнулась горделиво, с достоинством.

Он сел напротив нее и за эти несколько секунд он успел рассмотреть ее маленькое родимое пятно на шее, большие, красивые глаза и пальцы, не носившие колец. Она сделала изящный жест рукой и поправила волосы. Оголившаяся шея придавала ей утонченности.

— Мне кажется... Я вас встречал.

Этот нелепый молодой человек пробормотал первое, что пришло ему в голову.

— Не думаю, — быстро ответила она.

В ее голосе звучала не надменность, а поддержка. Она смягчилась, увидев его робость, и улыбнулась теплой улыбкой.

---

\* Прошу прощения. (фр.)



— Вы хотели у меня что-то спросить? — приоткрыв немного рот, с изумлением посмотрела на его руки, которые он не знал куда деть от волнения.

— Извините за мою возможную грубость... Но я не увидел кольца на вашем безымянном пальце. Как у нас говорят: «Если женщина не носит кольцо, соединившее ее руку с сердцем, значит ее сердце открыто». Свободно, если так можно сказать.

— Все мужчины привыкли смотреть на пальцы, но не в глаза. В глазах можно прочесть больше, — сказала она снисходительно и мягко. — Что вы видите сейчас в моих глазах, скажите?

Она пристально посмотрела на Жана.

— Красоту, обаяние, радость. Я испытываю удовольствие, глядя в ваши глаза.

Действительно, Жан ничего больше не смог увидеть, кроме красоты, в нем сейчас присутствовал парфюм под названием «влюбленность». Чем больше он на нее смотрел, тем больше влюблялся, чем больше она говорила, тем больше он хотел ее слушать. Он готов был вдыхать ее всю без остатка. Секс — это не значит вдыхать. Вдыхать — это свойство, оно жизненно необходимо.